

Корейский вариант

Пролог

Глухо застонав, я пошевелился и сел. Первое, что я услышал, очнувшись, весёлые трели пичуги, но почти сразу на меня обрушилось ещё одно, то, что смогло поразить, несмотря на моё не самое лучшее состояние. Болело всё, особенно голова. А поразило меня солнышко, что прогревало даже сквозь одежду, а одежда на мне вроде была, что-то такое ощущалось, а также запах, и главное, тактильное ощущение травы под руками. С учётом того что я просидел в тюрьме порядка двадцати четырёх лет, это было впервые, когда я чувствовал и ощущал траву. Снова на расстрел вывели? Хм, странно, когда был у литовцев, меня обычно расстреливали во внутреннем дворике. Причём не холостыми, боевыми палили, только стреляли мимо, чтобы каменная крошка била по мне. Литовская тюрьма не самое сладкое место. Оккупант я для них, что тут ещё скажешь? Сейчас же я на американской базе был, там расстрелами не баловались, бока намять, стресс снять, это одно, но не такими способами развлекаться. Хотя по развлечению и издевательствам над пленными американцы всё же впереди планеты всей. Ещё бы, потомки бандитов, шлюх, насильников, галерников и воров всех мастей. Кого свозили в Новый Свет, как раньше называли Америку? Их и свозили, и они стали костяком народа Северной Америки. Уничтожение коренного населения их работа. По-другому те не умеют и продолжают так же действовать. Теперь остальные народы и расплачиваются за действия этих потомков преступников.

Откуда-то со стороны послышались восклицания, всё это под мощный рёв движка, что заметно удалялся, поэтому я постарался побыстрее прийти в себя. Русские не сдаются, и эти сволочи ещё убедятся в этом. Пусть знают, как иметь дело с советским офицером, пусть и бывшим. Открыв один глаз, второй был чем-то заляпан, я провёл ладонью по голове, краем

сознания подивившись, что нет, как обычно, наручников, их всегда надевали, когда выводили из моей камеры-одиночки, и посмотрел на кровь на ладони. На голове была рана, но не это поразило меня, а то, что рука была не восьмидесятилетне-го старика, приближающегося к девяностолетнему юбилею, а чужая. Пока не скажу чья, но не моя точно. Молодая рука, хотя и изрядно грязная, с чёрной окантовкой под длинными нестриженными ногтями. Приплыли. Однако это не помешало мне испытать радость, да я был счастлив, сбежал, ушёл от врагов, как не радоваться?

Тут голоса, что до этого звучали в отдалении, прозвучали совсем рядом, и меня, подхватив под локти, подняли на ноги, что позволило мне осмотреться, при этом проводя языком по зубам. С учётом того что у меня зубов совсем не было — какие выбили, какие сами выпали, вставную челюсть давно отобрали, а кормили сухарями, сволочи, — я только довольно скалился. Все зубы были на месте, вполне ровный частокол, ни одного просвета. В общем, что именно произошло, я начал догадываться, но об этом позже. Самое интересное, меня окружали... чурки. Все, кто не русские, для меня теперь назывались так — литовские чурки, американские... После двадцати четырёх лет в застенках любой станет за-костенелым националистом. Хотя тут тоже дело сложное, но это не стирало мою память, и я всё-ё-ё помнил. При этом если зуб на литовцев у меня имелся, то не такой, как на гнид американских, которым меня передали четыре года назад. А что, я уже десять лет как был официально мёртв и даже похоронен, конвоиры и охранники глумились, с наслаждением об этом мне говоря, так что раз я всё равно мёртв, то отчего и не отдать меня американцам на их базу на опыты? Вот и отдали. Хм, а может, те опыты и ска-зались с этим моим перемещением? Если вспомнить, что мне удалось пережить за эти годы, удивления с перемещением моей души в чужое тело у меня не было нисколько. Это знак, это то, что позволит мне нести Кару.

Так вот, те, кто меня окружал, были одеты до неприличия бедно и рвано, и были они... да корейцами, и самое главное, я их отлично понимал, как будто этот язык мне был родной. И тут на меня обрушились знания, знания того парня, в тело которого я попал. Объём оказался для неподготовленного меня излишне большим, и я просто потерял сознание, обвиснув на руках тех, кто

меня придерживал. И да, я вспомнил, что произошло, вся память бывшего хозяина этого тела стала мне доступна.

* * *

Очнулся я ночью, всё так же на природе, лежал на какой-то материи неподалёку от костра, что подогревал мне бок. Вокруг сидели в основном те же люди, коих я видел при первом осознании, где оказался и что тело чужое. Проведя языком по зубам, я криво ухмыльнулся. Есть бог на свете, точно скажу. Очень хотелось пить, поэтому я пошевелился, осознанно, чтобы привлечь внимание, и попросил пить. На корейском, при этом знание русского, литовского и английского у меня по-прежнему сохранилось. Конвоиры, суки, только на своих варварских языках говорили, вот и удалось со скуки выучить два языка, английский и литовский. Последние два с лёгким акцентом. Нужно лишь проверить вслух, по крайней мере мысленно выстраивать фразы получалось. Да что это, я и мыслил по привычке на русском.

Просьбу мою удовлетворили сразу. Слегка приподняли голову и дали напиток из плошки. Судя по вкусу, кипячёная, ещё тёплая вода. В Корее проблемы с чистой водой, отчего и приходится её разбавлять специями при приготовлении блюд, воду предпочитают кипятить, сырую пьют очень редко и только из проверенных источников. Видимо, рядом или колодец был, или родник. Скорее всего, второе, я слышал журчание неподалёку, но едва слышно, на грани слуха. Жадно выпив всю воду, я с облегчением откинулся на лежанку, под головой у меня что-то было, и вздохнул. Всё тело покрылось потом от этих движений, но я был доволен, главное жив, а остальное приложится. Сам я вообще атеистом был, коммунистом, пусть сдержанным, не оголтелым, встречались и такие, но всё же коммунистом, а сейчас мысленно забормотал молитву. Ну как молитву, её же ещё и знать нужно, так, обрывки, услышанные от покойной супруги, да что фантазия давала, благодаря Бога за данный мне шанс, и пусть поверит, уж я его не упущу. Слишком много у меня долгов собралось, стоило бы вернуть. Причём литовцы были не на первом месте. На втором или третьем точно, на первом американцы, эти гниды мне за четыре года мучений, которые я пережил по-настоящему чудом, своей волей и ненавистью, ответят за всё. И я не говорю про их правительство, это не

оно ставило мне уколы, делало операции по живому и изгалялись в своих медицинских лабораториях. Это их молодые парни из охраны развлекались, избивая меня или издеваясь, вот их и буду убивать. И я даже знаю, как. А теперь можно описать и то, что я получил из знаний своего нового тела.

Для начала, звали паренька Пак Мун Хо, и было ему всего пятнадцать лет от роду. Приятно, конечно, но если вспомнить, что сейчас весна тысяча девятьсот сорок девятого года и я нахожусь в Корее, то можно поучаствовать в этой войне. На какой стороне, я даже и не думал, естественно на Северной, ведь американцы в составе войск ООН будут воевать за Южную Корею. Тут была лишь одна небольшая проблемка. В данный момент я находился на территории Южной Кореи и вроде как являлся её гражданином, пусть и несовершеннолетним. И согласно воспоминаниям Муна, шёл тот к портовому городу Пусан, до которого оставалось несколько километров, так что не дошёл тот не так и много. А причина получения травмы была банальна, кстати, пока я лежал и раздумывал, мои спасители и пояснили, что они видели, хотя воспоминания Муна мне и так были доступны. Тот шёл по обочине дороге, сзади нагонял тяжёлый американский грузовик с водителем одной из местных американских частей, которые как раз покидали Корею. Америка выводила свои войска из Южной Кореи. Почувствовав опасность, Мун прыгнул с обочины и покатился с обрыва, где его голова и повстречалась с камнем, это было единственное повреждение, не считая множества синяков, грузовик его не задел. А вот то, что чуйка была права, подтвердили другие свидетели, водитель специально вильнул на обочину, чтобы задеть Муна. К сожалению, это хоть и редкость, но случается. Кто считает бедняков, а Мун, как ни крути, не только круглый сирота, но и бродяга. Однако всё же лучше начать сначала, описывая жизненный путь Муна. Тут мне дали поесть, немного риса с рыбой, пища острая, и пока было время, я размышлял, прокручивая в памяти недавно появившиеся воспоминания совсем другого человека, а теперь уже ставшие родными, всё же я занял его тело. Непонятно только, куда делась личность настоящего Муна, но её не было, кроме воспоминаний никаких намёков. После некоторых размышлений, я решил, что тот умер, или покинул тело, когда моя душа вытеснила его. Как-то другого объяснения на ум не приходило.

По поводу же Муна, то вся его жизнь может уложиться в пару строчек, но я постараюсь всё же более обширно описать, кто он и как стал бродягой, чтобы можно было понять всю глубину трагедии, произошедшей с ним. Для начала, семья паренька была не так и проста, всё же не в самое худшее тело меня подсадили, что не могло не радовать. До тринадцати лет Мун жил вполне благополучно в пригороде Сеула, у него были родители и даже сестра. Отец служил в полиции, какой-то не самый малый чин, чуть ли не майором был, и в череде политических интриг с рядом других чиновников был объявлен предателем, приверженцем идеалов коммунизма, хотя тот даже сочувствующим не был. На самом же деле всё было по-другому. Тут всё решали клановые группировки, и клан, в котором состоял отец, попал под удар, вот их так и убрали, с концами, можно сказать. Захоронили в той же канаве, где и остальных расстрелянных, но где, Мун не знал, успел убежать с сестрой из дома, отец предупредил, встав на дороге у противника. Сестра долго не прожила, банальный аппендицит, который без быстрого медицинского вмешательства и привёл её к гибели. Так Мун и остался один. Что примечательно, отец Муна был мастером борьбы тхэквондо и учил детей с момента, как они начали ходить, он даже вёл небольшой кружок для молодёжи, поэтому в среде молодых корейцев имел заметную популярность. Видимо, по этой причине его и предупредили, да вот только слишком поздно. Сам Мун эту борьбу не забросил, учился яростно и иступленно. Два года бродяжничал, зачастую ел впроголодь, зимовал на шахтах. Таскал там корзины с углём, что помогло хорошо укрепить ноги и спину, так как тот всё делал правильно, по науке, организм не изнашивал, как говорится. Да и работал не за плату, а за еду, довольно сытную, надо признать, и за койку в тёплом бараке, что ему позволяло перезимовать. Многие так делали.

В данный момент Мун двигался к Пусану с планами завербоваться на одну из рыболовных лодок, поработать, всё же основная еда в Корее — это рис, овощи да рыба. Сытно будет, а это нужно, чтобы вырасти здоровым. Тут я Муна полностью поддерживал. Сам Мун до того, как уйти в бега, а его искали, имя сменил, волосы отрастил, изменил внешний вид как мог, учился в школе, и надо сказать, не без таланта. Я же говорю, отличное тело мне подобрал Бог. Учился хорошо, знал грамоту, письменность по

четырёх языкам изучил, корейскому, она называлась хангыль, китайскому, японскому и английскому. И знал Мун четыре языка, соответственно корейский, неплохо китайский и японский, и немного говорил на английском. Понимал всё хорошо, а говорил плохо, понять сложно. С другой стороны, у меня английский был точно подтянут, точнее его американский говор, учился-то говорить я у американцев на их базе, вот письменности не знал, поэтому знания Муна идеально укладывались в мою память.

Додумать я не успел, та немногая еда, что там — крохи, всё-таки заглушила бурчание в желудке, и сонливость, напавшая меня, отправила в сон. Я не стал этому противиться. Завтра всё додумаю, а пока стоит отдохнуть и набраться сил.

Проснулся я от шороха просыпающихся людей и запаха котра, ветерок дым на меня направил, отчего заслезились глаза и я дважды чихнул. Резко, сам от себя не ожидал. Сев, я потрогал грубую повязку на голове и осмотрелся. Вставшее солнце, что осветило всё вокруг, прогревая, вполне позволило это сделать. Находились мы в низине. За кустарником пряталось то гравийное шоссе, где Мун совершил свой кульбит и где я вселился в его тело, там было тихо, трасса пока была пуста. Дальше от низины начиналось засеянное поле, где виднелись залитые водой чеки, на которых зеленели ростки риса. Чуть ниже у трассы был каменный, явно старинный мост, под которым протекала речушка — так вот откуда шум реки! Мост был заброшен, рядом был построен новый, по которому и проходила трасса. С той стороны начинались высокие, поросшие лесом холмы, и особо посмотреть было не на что, но я всё равно поглядывал по сторонам, с удовольствием любясь природой в яркой своей красоте весны. Давненько я этим не любовался. А то всё серые стены камер да белоснежные стены лабораторий.

Когда Мун полетел вниз со склона, то котомка осталась при нём, она у меня как раз и выполняла роль подушки, а вот дырявое одеяло, свёрнутое в скатку, отлетело, свидетели, что мне помогли, подобрали его и мне вернули, на этом всё, больше ничего у Муна не было. Только котомка, в которой съестного не имелось, так, личные вещи, одеяло да одежда. Рваные штаны, обрезанные чуть ниже колен, без обуви, и свободная рубаха, препоясанная коротким куском верёвки. Это всё, что было, ни белья, ничего

остального. Собравшись, задерживать я не стал и, коротко поклонившись, поблагодарил моих спасителей за помощь, направился к трассе. Не думаю, что меня покормят, вчера это была помощь пострадавшему, а сейчас они видели, как я осторожно встал, как будто балансируя или учась ходить заново, и сделал несколько шагов, которые с каждым движением становились всё увереннее и увереннее. Даже небольшая пробежка была, кстати отдающаяся в рану. Однако телом я с каждой минутой владел всё лучше и лучше, можно сказать, окончательно укрепился в нём. А я думал, будет долгое привыкание. Пока ещё всё необычно, но управление телом стало как родным, что не могло не радовать. Так что, свернув одеяло в скатку и перекинув через котомку, что висела на правом плече, и придерживая ляжку правой рукой, я неспешным шагом направился к дороге. Кстати, пока взбирался на обочину по крутому скату, успел подивиться. Насколько знал Мун, а мне стало известно из его воспоминаний, с провозглашением Республики Кореи, в Южной, где правил Ли Сын Ман, американцев стало совсем мало, советники, да и то не так много, не больше тысячи, и части, что уже заканчивали выводиться. Техника осталась в некоторых их частях, что-то передали местной армии, но то, что Муна пытался задавить именно американский грузовик, можно считать редкостью. Ведь за рулём точно сидел американский солдат, Мун успел его рассмотреть в прыжке. Я тоже хорошо запомнил эту улыбающуюся рожу, тот радовался, пытаясь задавить тяжёлой техникой мальчонку. Упырь.

Встав на обочине, мельком оглядевшись, я двинул в сторону порта Пусан, решив побывать там, осмотреться. Время ещё есть. Двигаясь по краю, чтобы если что просто спрыгнуть и уйти от таких лихих водителей, а движение по дороге стало оживлённым, уже четыре машины проехало, я продолжал размышлять. Было о чём, нужно собрать мысли в кучу, а то они разбегались от всего того, что произошло со мной за эти неполные сутки. Прежде чем продолжить, сначала представляюсь, а то столько времени прошло, а я об этом даже и не вспомнил. Уж извините мою невоспитанность, всё же столько времени в таких местах провёл, что всё человеческое сползает. Я вроде сохранил себя, но что-то потерял, думаю, это меня извиняет. Что ж, зовут меня Фёдор Геннадьевич Палкин, ветеран Великой Отечественно войны, Японской, и участник войны во Вьетнаме. Служил в авиа-

ционном полку, ИАП пилот, на Ла-7 и Ла-9 летал. Воевать начал не с начала, с конца сорок третьего, и воевал хорошо, двенадцать подтверждённых сбитых, Золотую Звезду не получил, там счёт до пятнадцати должен доходить, но награду получил немало, и всё было за что. Воевал так, что прошёл всю войну без царапинки, хотя сбивали дважды, один раз до своих смог дотянуть, за линией фронта на пузо сел, другой раз прыгать пришлось в немецком тылу, как раз когда штурм Берлина начался. Да уж, приключений хлебнул до предела, если учесть, что сел чуть ли не на головы эсэсовцам, занимающим часть здания. Там вообще слоёный пирог был, один этаж наши, другой немцы занимали. Причём наши ещё и в окружении сидели. Ладно, отстреливаясь, захватив ручной пулемёт, мне удалось перебраться на соседнее здание, где сидели артиллеристы с одной «сорокапяткой», поднятой на третий этаж, но без снарядов, и двух отделений бойцов пехотного батальона. Я оказался единственным офицером. Пришлось брать командование в свои руки, советуясь с опытным сержантом Ерёминым. Почти неделю воевал с ними, уникальный опыт городских боёв приобрёл, пока наши не освободили те места. Причём обо мне знали, немцы до такой степени ловили меня, получая по сопатке от бойцов, что окрестили «Белой смертью». Комбез в извёстке был, хорошая маскировка, не поймали. Синяков и ссадин в развалинах изрядно получил, но выжил с тремя бойцами и двумя артиллеристами. Там война моя и закончилась. Старшим лейтенантом продолжил службу, отвоевав ещё Японскую, став кадровым офицером. Только из-за того, что не смог поступить в Академию, что там несколько курсов повышения мастерства, на пенсию ушёл в начале восьмидесятых в звании подполковника. Одно могу сказать, технику я знал от и до и летал до самого выхода на пенсию, продолжая держать себя в форме. Во Вьетнаме провёл шесть лет советником, одиннадцать подтверждённых сбитых, летал на МиГ-17. За время службы изучил множество машин и могу сказать, что являюсь в них докой даже сейчас. Потом в Литве с супругой поселились, та оттуда родом была, из Клайпеды. Квартиру получили, двухкомнатную, вот так и жили. Детей вырастили, внуков. В середине восьмидесятых похоронил супругу, повезло ей, не видела, что будет дальше. С перестройкой грянула беда, меня объявили оккупантом, а когда я набил морду одному националисту, из тех, что служили нем-

цам, те уже смело выползли на улицы, парады, суки, устраивали, то отправили в тюрьму. Тут ещё один местный подсутился, отца я его сдал МГБ, было дело, встречал на фронте, тоже в СС служил, а тут ба, идёт такой мордатый по улице. Я его опознал, он тоже в розыске был как нацистский преступник, ну и расстрел после суда. А сынок, зная, кто тут постарался, сделал всё, чтобы я не вышел из тюрьмы. И у него это получилось. Откуда я это знаю? Да приходил он, хвалился. Меня тогда конвоиры хорошо отметили, а тот наблюдал. Как я понял, с отделением Литвы тот занял высокий пост, мог себе позволить подобное. При этом отдал приказ дать мне нормальное содержание, чтобы я прожил подольше и помнил, помнил, за что он меня в тюрьму упёк. Так что у литовцев дальше более или менее нормально было, остальную жесть я от американцев получил.

Дальше тюрьму я не покидал, характера хватало, чтобы это всё пережить. Потом, как я уже говорил, меня отправили к американцам, и как я понял, не меня одного, было дело, не один раз встречал таких же подопытных в коридорах. Мужчины, женщины, были беременные, дети. Я в курсе, что за опыты над нами ставили, прививали и выводили новые вирусы гриппа для генома славян. Оттого и требовались разные поколения, от детей до стариков вроде меня. Так-то нас в одиночках держали, иногда удавалось перестукиваться. Постепенно соседние камеры пустели, пока я не остался один, повели на очередной опыт, помню, как положили на холодную лежанку из нержавейки, руки-ноги и торс пристегнули, подсоединяли к каким-то приборам. Датчики на теле крепили, а потом вспышка электроразряда. Первую я вытерпел, тяжело дыша наблюдал затуманенным взглядом, как лаборанты снимают показания с приборов, потом повторная вспышка, темнота, и вот я в теле Муна. Говорю же, это судьба.

Естественно, имея лётный навык, воевать я планировал в пилотском кресле истребителя, однако и тут есть множество препятствий, которые мне ещё нужно преодолеть. Для начала в Корейской войне я в своей прошлой жизни не участвовал, хотя заявление писал, чтобы отправили, отказали, однако после общения с лётчиками, что воевали тут, я знал разницу между нашими пилотами и корейскими. Если проще, как ни тренируйся, но уровня советских лётчиков мне никак не достичь. Тут в физиологии всё дело, наши просто покрепче, и корейские лётчики не тянули